

Сказочник

Тёма и крылатый огонёк

*Всем, кто хранит в кармане луч надежды,
кто не боится темноты и верит в чудо.*

*Всем, кто искренне и преданно
любит сказки.*

— Сказочник

Содержание

1	Шёпот под листом лопуха	4
2	Тропа над белой бездной	12
3	Тайна великаньей рукавицы	20
4	В плену ледяной метели	28
5	Танец утреннего луча	34

Шёпот под листом лопуха

Черничный овраг пахнул сладкой сыростью, спелыми ягодами и чуть-чуть прелыми прошлогодними листьями. Тёма шагал вперед, осторожно отодвигая лопухи величиной с хороший зонтик. На его толстом горчичном свитере уже висели три цепких репейника, но мальчик не обращал на них внимания. Он вытянул шею и прислушался. В гу-

стой тени под корягой раздавался странный звук — не то мышиный писк, не то шепот чайника, забытого на плите.

В воздухе отчетливо запахло жженым сахаром и леденцами.

— Так-так-так, сейчас разберемся, — шепнул Тёма и снял с пояса латунный фонарик.

Он взялся за блестящую ручку сбоку. Вжик-вжик, вжик-вжик! Внутри сладко запел медный сверчок, и круглый луч янтарного света полоснул по сырой земле.

↗ Тёма

Кусты черники мгновенно затрещали. Под широким лопухом кто-то запыхтел, взбрыкнул и попытался закопаться носом в мох. Луч фонарика скользнул по круглому боку, покрытому бархатистой изумрудной чешуей. Чуть выше топорщились крошечные закругленные рожки, а из-под сложенных прозрачных крыльев на Тёму уставились два огромных янтарных глаза. В них плескался такой неподдельный ужас, словно перед зверьком вырос по меньшей мере саблезубый тигр.

Зверек дернулся назад, запутался лапами в длинном бирюзовом шарфе с деревянной пуговкой-орешком и неловко плюхнулся на круглую попу. От испуга его абрикосовое брюшко надулось, как мячик.

— Апчихи-ик! — звонко выдал чешуйчатый малыш.

Прямо из его круглого носа брызнул сноп золотистых искр. Горячие крупинки застучали по кожаному носку Тёминого ботинка, пахнуло сладкой петушиной карамелью. Малыш тут же прижал ушки, закрыл глаза передними лапками и мелко-мелко задрожал всем телом.

— Эй, ты чего? Я не кусаюсь, — Тёма присел на корточках, стараясь казаться как можно меньше.

Он снова мягко крутанул ручку фонарика — вжик-вжик. Теплый медовый круг опустился на землю прямо между ними. Тёма протянул вперед раскрытую ладонь, пахнущую сосновой корой.

— Смотри, у меня ничего нет. Только свет. Я Тёма. А ты кто такой зеленый?

Дракончик приоткрыл один янтарный глаз. Он увидел мальчишку в смешном желтом свитере и ласковый луч, пляшущий на сухой травинке. Опасности не было. Было тепло.

Искорка 🎵

— И-искорка... — тоненько просвистел малыш, осторожно высовывая бархатный нос из-под лапок. — Ой-ёй-ёйшки... А земля там под тобой точно не качается?

— Стоит как вкопанная, — заверил Тёма. — Держи хвост пистолетом! Иди сюда, погрейся.

Искорка неуверенно переступил мягкими лапами, шарф волочился за ним следом. Он подошел ближе и доверчиво ткнулся прохладным влажным носом прямо в Тёмину ладонь. Кожа дракончика оказалась гладкой и чуть бархатистой, словно спелый персик. Тёма ласково погладил его между рожками, и малыш тихонько заурчал, пуская тонкую струйку сладкого дыма.

Вдруг тени вокруг резко вытянулись, сделавшись угольно-черными. В воздухе запахло мокрой овечьей шерстью и ледяной пылью. Золотое утреннее солнце над оврагом словно захлебнулось: свет померк, посинел и выцвел, уступая место тяжелым, неживым сумеркам. По верхушкам сосен прокатился глухой, леденящий гул.

* * *

На кухне у тётушки Медуницы всегда пахло уютом: топленным молоком, сушеным чабрецом и сдобными пышками. Но сейчас в горшках на подоконнике тревожно никли сияющие лютики — их золотые лепестки гасли один за другим.

Тётушка Медуница торопливо набросила на плечи Тёмы и дрожащего дракончика тяжелый шерстяной плед. Ее серебряная коса чуть сбилась набок, а на добром круглом лице застыла глубокая складка.

— Вот те и праздничек, — тихо вымолвила она, глядя сквозь темнеющее оконное стекло на далекий Пик Ветров.

Тёма выглянул из-под пледа. Острая скалистая вершина, обычно сверкавшая на солнце белым сахаром, сейчас тонула в грязно-серой вате. Огромная сгорбленная фигура великана Сумрачника тяжело ворочалась на самом краю бездны. Великан разматывал исполинский рулон войлока, натягивая его на сияющее вдалеке хрустальное Веретено. С каждым витком туманной пряжи мир становился холоднее.

Мастер Сумрачник ☾

— Птенчики мои, беда пришла, — Медуница прижала ладонь к груди. — Если до полудня Веретено Ветров не закрутится и не сбросит эту мглу, войлок окаменеет навсегда. Долина уснет подо льдом, и больше ни один колосок не поднимет головы.

Искорка заскулил, зарываясь носом в складки Тёмино-го свитера. Его бирюзовый шарф съехал набок.

↗ Сорока Варвара

В эту секунду кухонная форточка с грохотом распахнулась. В комнату кубарем ввалился черно-белый комок перьев, вздымая тучу пыли. Сорока Варвара кувыркнулась по дощатому столу, сшибла глиняную солонку и замерла, тяжело переводя дух. Ее кожаная почтовая сумка съехала набок, а медные летные очки на лбу были перепачканы липкой серой паутиной.

— Караул-караул! — истошно застрекотала Варвара, отчаянно хлопая крыльями. — Слыхали? Видали? Сумрачник на Лестницу Тысячи Ступеней валуны катит! Все ходы завалил, мошкару туманную распустил! Не пролететь, не проскакать! Конец свету, конец яблокам!

Искорка от ее крика так сильно вжался в половицы, что стал похож на плоский изумрудный блин.

— Земля качается... Ой-ёй-ёйшки, она качается! — зашептал он, зажмутив круглые глаза.

Тёма решительно поднялся с лавки. Он поправил на поясе ремень, проверил кобуру с фонариком и повернулся к дракончику.

— До полудня еще есть время, — твердо сказал Тёма. — Мы поднимемся на Пик Ветров и раскроем это Веретено. Искорка, ты пойдешь со мной!

Дракончик приоткрыл один слезящийся глаз, глянул за окно на крутые ледяные скалы и судорожно сглотнул слюну со вкусом подгорелой карамели. Он вцепился коготками в щель между половицами и затряс головой так часто, что его деревянная пуговица-орешек застучала по чешуе. На скалы он идти не собирался вовсе. За окном с глухим стуком упал первый крупный камень, сорвавшийся с горной тропы.

ГЛАВА 2

Тропа над белой бездной

Охристые ступени вели прямо в белесое молоко. Они были скользкими от сырости, пахли мокрым шифером и холодным гранитным крошевом. Тёма крепко держал Искорку за мягкую лапку, стараясь не сжимать ее слишком сильно, чтобы не помять нежные перепонки между пальчиками.

— Не смотри вниз, — повторял мальчик, делая осторожный шаг на широкую плиту. — Смотри только на мои ботинки. Видишь, какие у них рыжие шнурки? Один похож на морковку, а второй завязан бантиком. Считай шаги, ладно? Раз, два, три...

— Ой-ёй-ёйшки... — тоненько сипел дракончик сзади. Он не шел, а почти полз, прижимая абрикосовое брюшко к ледяному камню. Хвост малыша превратился в тугую пружинку. — А если шнурок развяжется? Тогда земля точно покачнется?

— Не покачнется, я завязал на два узла, — соврал Тёма, хотя левый шнурок подозрительно мотался по грязи. — Держи хвост пистолетом!

Они одолели уже три десятка ступеней, когда снизу, из бездонного провала ущелья, потянуло липким сквозняком. Воздух зашевелился. Сначала показалось, что это просто клочья тумана поднимаются по склону, но комья серой ваты вдруг расправили тяжелые войлочные крылья.

— Мотыльки! — крикнул Тёма.

Стая туманных тварей налетела бесшумно. Они не хлопали крыльями, как бабочки, а слепо и мягко тыкались во все живое, оставляя за собой липкий серый налет. Мошка-

ра облепила толстый горчичный свитер, полезла в воротник, запахло застоялой колодезной водой и прелыми тряпками. Два мотылька шлепнулись прямо на круглую линзу фонарика. Латунный блеск померк, медовый свет сжался до крошечного мутного пятнышка.

Сверху раздался яростный треск.

— А ну брысь, серятина! Пошли вон! — Сорока Варвара рухнула из тумана, словно черно-белое пушечное ядро.

Она бешено молотила крыльями, пытаясь разогнать липкую стаю вокруг мальчишечьей головы. Очки на ее лбу блестели от сырости. Птица отчаянно щелкала клювом, но мотыльки облепляли маховые перья, путаясь в них грязной паутиной. Сорока дернулась, запуталась в плотном комке тумана, и маленькая медная пуговица с ее почтовой сумки со звонким «дзынь!» отскочила, исчезнув в бездне.

— Моя пуговица! Парадная! Караул-караул! — заголосила Варвара, отчаянно карабкаясь на скальный уступ.

В этот момент самый жирный войлочный мотылек грузно опустился прямо на изумрудный нос Искорки. Дракончик скосил янтарные глаза к переносице. Его ноздри затрепетали. Бархатистая мордочка сморщилась в

такую нелепую гармошку, что Тёма на секунду забыл про мотыльков на своей шее.

— А-а... а-ап... — засвистел малыш, раздуваясь в шарик.

— Держись! — крикнул Тёма.

— Апчхи-ик!

Грохнуло так, будто лопнула хлопушка с леденцами. Из круглого носа Искорки брызнул целый фонтан малиновых, золотых и синих искр. Горячие крупички обожгли мотылька, брызнули во все стороны с запахом жженого сахара, а сам дракончик от отдачи подпрыгнул и со всего маху шлепнулся на круглую попу, выставив лапки кверху.

Тёма не выдержал. Он посмотрел на ошалелые круглые глаза дракона, на бирюзовый шарф, съехавший ему на самый лоб, и звонко, залиvisto расхохотался. Звук мальчишечьего смеха — звонкий, как медный колокольчик, — раскатился над мокрыми скалами.

Липкие мотыльки замерли. Серая паутина вдруг задрожала, надулась радужными пузырями и с тихим влажным «пупф!» начала лопаться прямо в воздухе. Свет фонарика пробился сквозь тающую слизь, заливая мокрый камень янтарным золотом.

Но не успел Тёма сделать вдох, как широкий карниз под их ботинками глухо хрустнул и опасно накренился над белой пустотой.

* * *

Тёма схватил дракончика за шиворот и втянул его в неглубокую каменную нишу. Сверху нависал замшелый козырек скалы, с которого мерно капала ледяная вода. Кап-кап, кап-кап. Мальчик прижался спиной к твердой стене и вытер рукавом серую копоть с изумрудного носа Искорки.

Дракончик мелко трясся, свернувшись в такой тугой комок, что из-под бирюзового шарфа торчали только крошечные рожки. Он наотрез отказывался открывать глаза.

— Ой-ёй-ёйшки... — шептал он, и его деревянная пуговица-орешек постукивала по чешуйчатой грудке. — Там ничего нет. Вообще ничего. Только дырка от бублика. А если я упаду, я же разобьюсь на сто маленьких лягушат?

↗ Тётушка Медуница

— Не разобьёшься, ты же дракон, а не лягушка, — Тёма достал из кармана штанов горсть сушеной черники, которую сунула ему на дорожку тётушка Медуница. — На, пожуй. Она сладкая, с мятой.

Искорка приоткрыл один янтарный глаз, потянул носом знакомый ягодный дух и слизал темные сморщенные ягоды шершавым язычком. Тёма взялся за латунную ручку фонарика.

Вжик-вжик, вжик-вжик! Медный сверчок внутри механизма отозвался бодрым переливчатым звоном. Луч света залил сырое убежище теплом печеных яблок, отгоняя въедливый запах мокрого войлока.

— Крути ручку, свети смелей — вдвоем дорога веселей! — негромко запел Тёма дедушкину присказку, поглаживая бархатную чешую на затылке друга. — Слышишь? Мы дойдем. Тут совсем чуть-чуть осталось.

На скальный выступ, громко хлопая крыльями, опустилась Варвара. Перья на ее груди топорщились, а очки висели на одном ухе.

— Чуть-чуть ему! — застрекотала сорока, нервно переступая тонкими лапками. — Слыхали? Видали? Сумрачник на самом верху сидит, каменным челноком по скалам лупит! Верхний мост — единственная дорожка к Веретену, а он по опорам бьет! Тюк да тюк! Мост ходуном ходит, еще немного — и в бездну рухнет! Опоздаем, до полудня пять минут сорочье-го полета осталось!

Тёма выглянул из-под каменного козырька. Впереди сквозь туман действительно проступал силуэт древней каменной арки, перекинутой через глубокий раскол горы. Она казалась тонкой соломинкой над клубящейся белизной.

Мальчик сделал осторожный шаг вперед на открытый уступ, прикидывая, как обойти завал из крупных камней. Он уже протянул руку, чтобы подбодрить Искорку, но в этот миг скала содрогнулась от чудовищного грохота.

Высоко на вершине раздался тяжелый, раскатистый удар исполинского молота. Звук прокатился по ущелью глухим железным стоном.

Бум-м-м!

Прямо над головами путников огромная слоистая плита треснула пополам. С оглушительным треском каменная масса осела вниз, срывая вековой мох и с грохотом перекрывая нижние ступени Лестницы Тысячи Ступеней. Тяжелый сланцевый пласт с визгом вонзился в гранит прямо перед носками Тёминых ботинок, запечатав дорогу назад пятиметровой глухой стеной.

ГЛАВА 3

Тайна великаньей рукавицы

Пыль от упавшей плиты еще кружилась в воздухе, а Тёма уже вцепился в мягкую чешуйчатую лапу дракончика. Назад дороги не осталось, только отвесный серый скол. Впереди, дрожа над туманной пучиной, висела горбатая каменная арка Верхнего моста. Снизу поднимался густой сырой пар, глушивший звуки долины.

— Нам туда, — мальчик указал носком ботинка на замшелый пролет. — Не бойся, камни толстые. Они тут сто лет лежали.

— А земля там точно не качается? — дракончик поджал хвост и мелко всхлипнул, поправляя съехавший шарф.

Тёма шагнул на мост первым. Подошвы глухо стукнули по шершавому известняку. Древняя кладка дрогнула от сырого ветра, по перилам из перетертых канатов побежала рябь. Под ногами на сотни саженой простирался сплошной океан белесой мглы. Он походил на овсяную кашу, которую бабушка забыла на плите, только от него не пахло молоком, а несло горькой хвоей и остывшим снегом.

Вдруг туман над ними разорвался с сухим бумажным треском. На самом краю верхнего утеса показалась громада: фигура в плаще из тяжелой драной холстины. Лицо Мастера Сумрачника скрывали гигантские дымчатые очки, круглые, как мельничные жернова. Великан тяжело вдохнул, заскрежетал зубами и поднял обеими ручищами угловатый сланцевый блок размером с сарай.

— Назад! — загудел великан, и голос его прогрехотал, точно оползень в пустом ущелье.

Каменный таран полетел вниз, рассекая серые лохмотья облаков. Тёма рванул Искорку вперед за лапку.

— Беги!

Тяжелый сланец с хрустом врубился в замковый камень моста. Под ступнями что-то жалобно треснуло. Каменное полотно подпрыгнуло, раскалываясь паутиной трещин. Старые канаты лопнули со звоном перетянутых струн, хлестнув по воздуху. Середина арки начала медленно крениться и с утробным громом осыпаться в кипящий белизной провал.

Оставался единственный крошечный уступ на той стороне скалы. Тёма оттолкнулся изо всех сил, перелетая через расширяющуюся пропасть. Ноги в тяжелых кожаных ботинках ударились о гранит, мальчик сбил колени до жжения, но удержался, вцепившись пальцами в мох.

Сзади раздался короткий отчаянный писк.

Искорка не долетел. Коготки дракончика соскользнули с обледенелой кромки, перепончатые крылышки бестолково захлопали, только закружив его в воздухе. Малыш полетел вниз, в бездонную дыру тумана.

Тёма не думал ни секунды. Он плюхнулся животом на острые камни, свесился наполовину в пустоту и наугад

выбросил обе руки. Пальцы обожгло колючей шерстью. Мальчик успел схватить бирюзовый шарф прямо возле резной пуговицы.

— Держу! Держу тебя! — закричал Тёма, скрипя зубами от натуги.

Шарф натянулся струной. Дракончик болтался над бездной, отчаянно зажмурил круглые глаза. От ужаса из его ноздрей посыпались частые малиновые искры, запахло жженым сахаром. Тёма уперся носками в трещину гранита, надул щеки и одним рывком выдернул изумрудный комочек на твердый уступ.

Они оба покатались по камням, тяжело дыша. Позади с глухим гулом рухнули последние остатки моста. Путь вперед был отрезан так же надежно, как и дорога назад.

* * *

Они сидели спина к спине на узком холодном карнизе, слушая, как далеко внизу затихает шум каменного обвала. Тёма чувствовал, как сквозь толстый горчичный свитер частит сердечко дракончика, словно пойманная полевка. Малыш зарылся мордочкой в лапы и тихонько свистел от пережитого страха.

— Ой-ёй-ёйшки... — пробормотал Искорка в свои перепонки. — Мы теперь тут жить останемся? До самого лета?

— До лета черники не хватит, — Тёма провел ладонью по вихристу затылку друга. — Так-так-так, сейчас разберемся. Мы на другой стороне, а это главное.

Сверху раздалось сердитое цоканье коготков. Из узкой вертикальной расщелины, едва приметной среди сланцевых пластов, высунулась белая сорочья грудка.

— Живые? Целые? Перья не растеряли? — Варвара суматошно закрутила головой, поправляя очки на макушке. — Глядите сюда! Я в дыру заглянула, а там лаз! Сам Сумрачник его протоптал, когда мусор с Пика скидывал! Старый войлок туда пихает, да так плотно, что мышь не пролезет!

Тёма поднялся на ноги, осторожно переступая по скользкому уступу. Расщелина казалась узкой, но вела прямо в глубь скального массива. Вход в нее был наглухо забит серыми, тугими канатами свалывшейся туманной пряжи. Воздух из дыры шел затхлый, морозный.

Мальчик снял с пояса фонарик. Щелчок переключателя отозвался ясным жестяным звуком, и в сумрак протиснулся золотистый теплый конус. Тёма ухватился за край вой-

лочной массы и потянул ее на себя. Пласт поддался с липким чавканьем.

В глубине завала что-то чернело. Тёма протянул руку, ожидая нащупать камень, но ладонь легла на грубую, затвердевшую от инея воловью кожу. Это была забытая рукавица великана, размером с доброе корыто. Она лежала в трещине скалы, словно брошенное птичье гнездо.

Искорка с любопытством высунул нос из-за Тёмина плеча.

— Это великан уронил, когда мост ломал? — шепотом спросил дракончик.

— Наверное, — ответил мальчик, заглядывая внутрь рукавицы.

Там, в самом темном уголке исполинского пальца, пряталось что-то круглое. Тёма осторожно запустил руку по локоть и нащупал хрупкий волокнистый стебелек. Пальцы наткнулись на пушистую корону, сухую и теплую, как летний полдень.

Он медленно вытянул находку наружу. На широкой детской ладони лежал сухой одуванчик. Не серый парашютный шар, готовый разлететься от чиха, а золотистый цветок, засушенный между слоями войлока давным-дав-

но, когда в этой долине еще цвели луга. Лепестки его потемнели до цвета гречишного меда, но сохранили крошечную капельку полуденного тепла.

— Он его не выбросил, — тихо сказал Тёма, разглядывая желтые ворсинки. — Он его спрятал, чтобы не помять.

Дракончик осторожно понюхал сухой цветок. Из ноздрей малыша вылетела крошечная синяя искорка, осветив темные лепестки.

— Пахнет бабушкиным вареньем, — шепнул Искорка, перестав дрожать. — Он что, тоже любит тепло? А зачем тогда все морозит?

— Потому что боится, — Тёма спрятал хрупкий стебелек в нагрудный карман свитера, поближе к сердцу. — Когда кто-то очень долго сидит в темноте, ему кажется, что свет непременно обожжет. Мы должны показать ему, что это не так.

Мальчик решительно повернулся к забитому лазу. Теперь серые канаты тумана уже не казались непобедимыми. Вместе с Искоркой они принялись выдергивать плотные жгуты, освобождая подъем. За расщелиной угадывался крутой каменный желоб, уходящий винтом к самой верхушке пика.

Но стоило им расчистить лаз, как с высоты налетел протяжный, леденящий гул. Это завыл каменный челнок на прядильном станке. Удары стали торопливыми, паническими. До полудня оставались считанные минуты, а верхушка расщелины уже блестела сплошной, наглухо смерзшейся ледяной коркой.

ГЛАВА 4

В плену ледяной метели

Ледяная корка треснула под ударом толстого ботинка, осыпаясь хрустальной крупой. Тёма протиснулся в узкую горловину лаза, отчаянно работая локтями, и помог выкарабкаться дракончику. Ветер на самой верхушке Пика Ветров не просто дул — он хлестал наотмашь колючими ледяными розгами.

Посреди плоской круглой площадки высилось Веретено Ветров. Исполинский хрустальный веретенообразный столб, тонкий и прозрачный, теперь походил на запеленутую в серые бинты мумию. Вокруг него кружили клочья тяжелого пара. Над механизмом возвышался сам Мастер Сумрачник. Каменные плечи великана казались частью горного хребта, а борода из замерзшей мороси звенела на ледяном сквозняке. В исполинских лапах он сжимал черный сланцевый челнок размером с лодку. Великан натягивал на хрустальное острие последний, самый плотный пласт войлока.

— Ш-ш-шуршать, не высовываться! — пророкотал великан, и от его голоса по площадке покатилась гранитная крошка. Дымчатые кварцевые очки уставились прямо на путников. — Тишина — лучшая шуба для мира! Солнце сожжет ваши глупые носы, сидите во тьме!

Старик взмахнул челноком, перехватывая новую серую нить. До полудня оставались считанные удары сердца. Воздух звенел, готовый навсегда застыть ледяным монолитом.

— Держи хвост пистолетом! — крикнул Тёма другу, пересиливая рев бури.

Мальчик сорвал с пояса латунный фонарик. Пальцы одеревенели от холода, но ладонь легла на блестящую ручку привычно и крепко. Механизм запел тонко, звонко, рассыпая вокруг теплое жужжание. Тёма направил круглую линзу прямо на вершину Веретена.

Густой золотистый луч прорезал пелену тумана. Свет коснулся серой пряжи, пахло печеными яблоками и сладкой смолой. Мертвый войлок зашипел, закорезился и начал плавиться, стекая с хрустальных граней тяжелыми медовыми каплями. Из-под серых лохмотьев брызнули первые радужные искры зажатого внутри полуденного ветра.

— Жжет! Слепит! — взревел Сумрачник, заслоняя лицо толстой войлочной полкой.

Великан в ярости размахнулся сланцевым челноком над головой. Чудовищный каменный брусок рассек воздух, поднимая вокруг ревущую стену ледяного вихря. Смерч из снега и мелкого щебня ударил Тёме прямо в грудь.

Ноги в коричневых ботинках соскользнули с обледенелого гранитного карниза. Пальцы разжались от резкого удара ветра, и латунный фонарик с жалобным звяканьем вылетел из рук, кувыркаясь в воздухе. Земля мгновенно

ушла из-под ног. Не успев даже схватиться за воздух, Тёма сорвался с края площадки и с криком полетел спиной вперед в кипящую серую бездну.

* * *

Ледяной воздух со свистом ворвался в уши, заглушая крик и превращая дыхание в сухие комки пара. Тёму кружило в белесых лохмотьях тумана, точно сорванный ветром осенний лист. Гранитный зубец Пика Ветров стремительно отдалялся, тая в клубящейся мгле, словно серый корабельный нос. Рядом, поблескивая полированными боками, кувыркался латунный фонарик. Его линза бестолково вспыхивала на лету маленькими золотыми всполохами, но поймать его Тёма уже не мог — пальцы хватали лишь свистящую пустоту.

На самом краю обрыва застыл маленький зеленый комочек. В огромных янтарных глазах Искорки клубилась бесконечная пропасть. Та самая бездонная пасть, при виде которой чешуйки на животе покрывались холодной испариной, а маленькие лапки намертво врастали в землю. Каждая косточка в его теле умоляла упасть на брюшко, спрятать нос в мох и зажмуриться до самого лета.

Снизу, сквозь вой ледяного сквозняка, донесся затихающий детский голос. Искорка вспомнил круглую поляну в черничнике, где не было высоты. Вспомнил теплую шершавую ладонь, гладившую его испуганный затылок, и слова, разгонявшие любой страх: «Крути ручку, свети смелей — вдвоем дорога веселей!»

Остаться на твердом камне больше не имело никакого смысла.

Зеленая лапка сжалась в кулачок. Одним резким, отчаянным движением малыш сорвал с шеи бирюзовый вязаный шарф. Мягкая шерсть вспорхнула и унеслась в туман. За спиной дракончика, с тихим шелестом лопающейся слюды, впервые в жизни распахнулись во всю ширь полупрозрачные перламутровые крылья. Они затрепетали, переливаясь всеми оттенками спелой ежевики и весеннего неба.

Искорка издал боевой, переливчатый писк. Подогнув изумрудные задние лапки, дракончик сложил крылья ла-

сточкой и ласточкой же бросился с обрыва вниз, ныряя головой в ревущую бездну вслед за другом.

Два маленьких силуэта стремительно исчезали в клочущей серой бездне под стон каменных утесов.

Танец утреннего луча

В ушах свистело так, будто тысячи рассерженных синиц разом забили крыльями. Тёма зажмурился от хлестких уколов серой крупы, но падение вдруг замедлилось. Раздался звонкий металлический «клац!».

Искорка, вытянувшись изумрудной стрелой, ловко поймал зубами кувыркающийся медный корпус. Малыш с победным сопением сжал гладкий металл и нырнул пря-

мо под падающего мальчика. Бархатистая чешуйчатая спина мягко и пружинисто приняла Тёму на себя. Перламутровые крылья с глухим хлопком натянулись, загребая свистящий морозный воздух.

Ледяная бездна перестала тянуть вниз. Она превратилась в широкую, упругую дорогу, выстланную ветром. Дракончик взмыл крутой дугой, огибая сланцевые ребра утесов. Каждое движение его крыльев отзывалось звоном натянутой тетивы. Тёма вцепился в теплый затылок друга, зарывшись пальцами в короткий шелковистый гребень. Страх улетучился без следа, уступив место чистейшему, звенящему восторгу.

— Летим! — закричал мальчик во все горло, перекрывая гул ущелья. — Ты летишь, Искорка!

Дракончик повернул мордочку и победно моргнул огромным янтарем глаза. Он перебросил латунную трубку прямо в раскрытую ладонь Тёмы. Пальцы мальчика легли на ребристую заводную ручку. Шестеренки внутри закрутились с веселым, сытым жужжанием, разбрызгивая вокруг крошечные искры.

— Крути ручку, свети смелей — вдвоем дорога веселей! — звонко запел Тёма, направляя стекло фонарика вверх, к нависшей громаде Пика Ветров.

Искорка набрал полную грудь морозного воздуха и звонко, по-птичьи свистнул. Из широких драконьих ноздрей вырвался не просто дым, а тугой клубок искристого карамельного огня. Это сладкое золотое пламя ударило прямо в заднее стеклышко фонарика. Внутри вспыхнуло маленькое карманное солнце. Луч, вырвавшийся наружу, стал толщиной со ствол векового дуба. Он сверкал густым янтарным медом, распугивая стылый мрак.

Огненный столп вонзился точно в запеленатое хрустальное Веретено Ветров. Серые, колючие войлочные пласты лопнули с треском сухого хвороста. Они таяли прямо на лету, оборачиваясь прозрачным теплым паром с запахом талой воды и сосновой смолы. Острый хрустальный шпиль освободился от оков. Раздался тонкий колокольный перезвон — механизм качнулся и сделал первый, плавный, долгожданный оборот.

Тотчас по долине прокатилась горячая золотая волна. Тяжелые тучи разошлись в стороны, словно старые занавески в деревенском доме. С небес хлынул ослепительный, ласковый полуденный свет, заливая горы, скалы и сосновые макушки чистым золотом.

* * *

Искорка описал над вершиной победный круг и осторожно опустился на каменную террасу. Лапки дракончика ступили на гранит мягко, как у котенка.

Посреди залитой солнцем площадки сидел огромный серый холм. Мастер Сумрачник сжался, закрыв лицо испонскими лапами. Сквозь толстые пальцы капали тяжелые капли, разбиваясь о камень с мягким плеском.

— Сожжет... все дотла спалит... — глухо бубнил великан в бороду из тающего инея. — Глаза выключет...

Тёма спрыгнул с драконьей спины и подошел к великану без всякой опаски, будто к старому дедушке. Мальчик вытащил из нагрудного кармана бережно сохраненную находку. Пальцы разжались. На шершавую, покрытую серым лишайником ладонь великана лег золотистый сухой цветок.

— Не обожжет, дедушка, — негромко сказал Тёма. Он протянул руку и аккуратно поправил на каменном носу великана сползшие очки из дымчатого кварца. — Смотри, это же просто одуванчик. Он греет, а не кусается.

Сумрачник замер. Один огромный глаз робко выглянул из-под темного стекла. Каменный палец великана, похожий на обкатанный морем валун, с невероятной нежно-

стью коснулся сухих медовых лепестков. Великан поднял взгляд к небу. Солнце сквозь кварцевые линзы казалось вовсе не страшным зверем, а большим круглым пирогом, который бабушка вынула из печи. В седой бороде великана впервые за сотни лет блеснула широкая, смущенная улыбка.

— Теплый... — пророкотал он, и голос его звучал теперь как весенний гром в мае. — Я ведь не со зла, птенчики. Я только укрыть хотел... чтоб тихо было.

— А ты укрывай, — предложил Тёма, присаживаясь рядом на теплый гранит. — Только вечером. Когда всем пора спать.

— Договорились, — великан тяжело и радостно выдохнул облачко теплого пара. — Буду ткать шали на ночь. Самые мягкие, с лиловым краешком.

К вечеру в деревушке Янтарные Крыши начался настоящий переполох. С крыльца тётушки Медуницы тянуло сдобным духом: на широких деревянных блюдах остывали круглые ежевичные коврижки, щедро посыпанные сахарной пудрой. Сорока Варвара, важно вышагивая по перилам, без умолку трещала о воздушных маневрах и хваталась новенькой золоченой пуговицей, которую ей подарил мастер Сумрачник взамен потерянной.

А на самом высоком коньке черепичной крыши сидели Тёма и Искорка. Они болтали ногами над узкой улочкой и делили пополам горячий ягодный пирог. Дракончик больше не прятал нос в лапы. Он с удовольствием расправил изумрудные крылья навстречу ласковому ветру и сыто жмурился.

Над черепичными крышами деревни медленно и бесшумно поднимался первый вечерний туман. Он был удивительно нежным, бархатистым и совсем прозрачным, словно соткал его великан, боявшийся потревожить чуткий детский сон.

Важные места

↖ Черничный
овраг ✧

Здесь пахнет сырым мхом и сладкими ягодами. До сих пор улыбаюсь, вспоминая, как Тёма впервые раздвинул мокрые лопухи и замер от изумления.

Деревушка
Янтарные Крыши ↗

Уютные домики, где пекут самые вкусные ежевичные коврижки. Когда великан затянул небо тучами, их янтарные крыши казались последними огоньками надежды.

↖ Лестница
Тысячи Ступеней

От одного взгляда вниз перехватывает дыхание. Камни скользили под ногами Тёмы, а ветер так завывал, что даже мне стало не по себе.

⚙ Пик Ветров и
Старая
Прядильня ↗

Огромные каменные своды среди ледяных облаков. Здесь было так холодно и жутко, пока друзья не принесли с собой частичку настоящего тепла.

Важные предметы

↖ Медный фонарик

Верный медный друг Тёмы. На перевале он чуть не сгинул в бездне, но его луч пробил самый безнадёжный серый туман.

Вязаный шарф Искорки ↗

Тёплый бирюзовый шарфик, под которым прятались крохотные крылышки. Сбросить его значило шагнуть в пустоту, и Искорка всё-таки решился.

↖ Золотое Веретено Ветров

Хрустальное колесо, держащее свет долины. Помню трепет, когда оно замерло под войлоком и мир вокруг начал стремительно остывать.

Каменный челнок Сумрачника ↗

Тяжёлый каменный инструмент великана. Им можно было соткать вечную тьму, а теперь Сумрачник прядёт лишь ласковые сны для уставших жителей.

Благодарности

Эта сказка никогда бы не созрела страницы без шестилетнего Тёмы. Спасибо тебе за твое неугомонное любопытство, звонкий смех и привычку таскать в кармане карманный фонарик на случай любых неожиданных приключений. Ты поделился с книгой своим именем, упрямой отвагой и умением замечать чудеса под самыми обыкновенными лопухами. А еще — спасибо за твою бесконечную любовь к волшебным драконам: именно благодаря твоим фантазиям в этой истории забилося маленькое, робкое, но такое горячее крылатое сердечко. Пусть твой внутренний свет никогда не гаснет, даже если вокруг сгущается самый густой сумрак.

Сказочник ☆

Тёма и крылатый огонёк

Автор: **Сказочник**

Написано для всех, кто всем сердцем любит сказки

Октябрь 2026

*Когда угрюмый горный великан укутывает
долину непроглядным туманным одеялом,
солнце гаснет. Шестилетний Тёма находит в
овраге крошечного дракончика, который до
дрожи боится высоты. Чтобы спасти родной
дом от вечного холода, друзьям предстоит
подняться над облаками. Но как взлететь, если
земля уходит из-под ног?*

